

p.20].

It was remarked that [5, p.77] there is a cause identity when the basis of the pretended right is the same and the basis was not related only to the legal ground invoked by the plaintiff, but eventually also to the legal grounds invoked ex officio by the court and which created the object of the contradictory debates. We do not agree totally this opinion, because the civil process is a process of private nature, in the meaning that it is applicable to the principle of availability which ensures in law and in fact the legal equality between the parties and represents the limit of the active role offered by the law to the judge. The court can bring to discussion for the parties any in law or in fact aspects, but finally it should pronounce on the heads of claims, with which it was vested by the litigation parties on the principal, incidental or accessory manner. In other words, the court cannot ex officio exchange the ground (cause) invoked by the plaintiff and it should pronounce on the plaintiff claim related to the cause invoked by him, eventually changed during the trial.

References

1. Civil Procedure Code of the Republic of Moldova, adopted by the Law no. 255-XV of May 30, 2003 O.G. of 12.06.2003, no. 111.
2. Ciobanu V.M. Theoretical and Practical Treaty of Civil Procedure. Vol. II. Bucharest: National, 1997.
3. Ivanescu G-Fl. Court civil decision. Bucharest: Hamangiu, 2014.
4. Nicolae A., Stamatescu A. Res Judicata in the jurisprudence of the High Court of Casation and Justice and in the regulation of the new Civil Procedure Code. Bucharest: Ed. Universul Juridic, 2012.
5. Nicolae A. Relativity and opposability of the effects of the court decision. Bucharest: Ed. Universul Juridic, 2008.
6. Tabarca M. Procedural exceptions in the civil case. Ed. II. Bucharest: Ed. Universul Juridic, 2006.

УДК 347.23(043.2)

Валиева Зумруд, диссертант,
Бакинский Государственный Университет, Баку, Азербайджан

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Первые шаги в отношении международно-правовой защиты права собственности были предприняты в XIX веке. Следует напомнить, что в указанный период защита права собственности регулировалась, прежде всего, нормами национального законодательства. И суверенное право государства самостоятельно устанавливать стандарты в области права собственности и регулировать вопросы, связанные с защитой данного правомочия, не подвергались сомнению. В указанный период поднимался

лишь вопрос о необходимости выработки единых минимальных стандартов в отношении иностранных граждан и принадлежавшего им на праве собственности имущества. Тогда как вопросы, связанные с наделением правом собственности своих граждан (подданных), каждое государство решало самостоятельно, и было наделено в данной области абсолютным правом усмотрения.

В XIX веке ведущими державами Западной Европы и США на международном уровне были согласованы минимальные стандарты в сфере защиты права собственности иностранных граждан. В соответствии с ними собственность указанной категории лиц могла быть конфискована только на основании закона. При этом лицу в кратчайшие сроки должна была быть выплачена полная компенсация. Данные требования подлежали применению независимо от того, устанавливало ли внутригосударственное законодательство подобные права в отношении собственных граждан или нет. Указанные нормы получили название международного минимального стандарта цивилизованности [1, с. 178-181]. Они действовали в форме международно-правового обычая и не нашли закрепления ни в одном из принятых в тот период международных договоров.

Таким образом, к концу XIX-XX веков на международном уровне были установлены минимальные стандарты относительно защиты права собственности, которые действовали только в отношении иностранных граждан и принадлежавшего им имущества.

В дальнейшем вопрос о необходимости закрепления права собственности в международном праве и его защиты на международном уровне был поднят на конференциях по вопросам урегулирования конфликтов, проходивших в Гааге в 1899 и 1907 годах. Как отмечает И.В. Мингазова: «В эпоху Гаагских конференций признание и защита частной собственности как права естественного, абсолютного и вечного, было неоспоримыми принципами, общепринятыми обычаями в международном праве. Таким образом, в начале XX века утвердилось правило об абсолютной неприкосновенности частной собственности» [2, с. 63].

Одним из основных препятствий на пути создания международных механизмов защиты права собственности, как на универсальном, так и на региональном уровнях стал юридический позитивизм, безраздельно господствовавший в XIX и начале XX века в доктрине международного права. Согласно его положениям в качестве субъектов международного права могли выступать только государства. Четкую формулировку указанного подхода можно найти в классическом трактате Л. Оппенгейма «Поскольку право наций – это главным образом право, действующее в отношениях между государствами, постольку государства являются единственными субъектами права наций» [5, с. 636].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года первоначально не гарантировала защиту права частной собственности, и указанное право не упоминалось в тексте Конвенции. В то же время государства-члены Совета Европы не подвергали сомнению тот факт, что право собственности относится к разряду фундаментальных неотъемлемых прав человека.

В силу исторических и культурных особенностей в правовых доктринах европейских государств сложились разные представления относительно содержания понятия права собственности. В судебной практике и законодательстве государств-участников ЕКПЧ существовали различные подходы к регулированию данного правомочия. Дискуссии вызывали такие вопросы, как объем права собственности, пределы осуществления собственником своих полномочий и проблема допустимого вмешательства государства в осуществление права собственности.

Государства-члены Совета Европы не спешили передать часть своих суверенных прав в области регулирования права собственности независимым наднациональным органам. Одним из наиболее острых стал вопрос относительно правомерного лишения лица принадлежащей ему собственности и компенсации за это. Любые предложения, касавшиеся вопросов выплаты компенсации даже в самых общих и размытых формулировках были отклонены. Более того, делегаты отклонили даже запрет в отношении «произвольной конфискации», так как ряд правительств опасались, что данное положение может быть интерпретировано как гарантия компенсации. Европейские государства опасались, что их суверенные полномочия в сфере осуществления экономической и социальной политики могут быть серьезно ограничены.

Позиции сторон были согласованы и приемлемое решение найдено только спустя полтора года после принятия ЕКПЧ. 20 марта 1952 года в Париже, состоялось подписание Протокола № 1 к Конвенции, который явился результатом трудных переговоров и ожесточенных дискуссий [3, с. 17].

Первый серьезный сдвиг в практике применения статьи 1 Протокола № 1 произошел в конце 70-х годов. В постановлении по делу «Marckx V. Belgium» [4] от 13.06.1979 ЕСПЧ указал, что «признавая право любого лица на беспрепятственное пользование своим имуществом, статья 1 по своей сути является гарантией права собственности». С этого момента начинается эволюция подходов ЕСПЧ к предписаниям ст. 1 Протокола № 1 в сторону их расширительного толкования.

На современном этапе развития государства-члены ЕС еще не готовы полностью поступиться своими суверенными правами в отношении регулирования права собственности. После вступления в силу Лиссабонского договора нормы Хартии основных прав Европейского

Союза стали юридически обязательными. Безусловно, с течением времени начнет формироваться прецедентная практика толкования и применения ее положений, в том числе и положений, касающихся права собственности, что повлечет за собой дальнейшую эволюцию и совершенствование европейских стандартов права собственности.

Можно констатировать, что право собственности получило нормативно-правовое закрепление в действующих актах европейского права, как на международном, так и на коммунитарном уровнях. Ключевую роль в деле защиты права собственности в общеевропейском масштабе играют положения ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ. Именно они являются ядром нормативно-правовой базы, отправной точкой формирования европейских стандартов в отношении права собственности. Право собственности получило закрепление и в других международных соглашениях универсального и регионального характера, таких, например, как Всеобщая декларация прав человека. Американская конвенция по правам человека. Африканская хартия прав человека и народов. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека и др. Однако, именно в Европе право собственности было не только провозглашено на наднациональном уровне, но и был создан самый эффективный механизм его защиты.

Литература

1. Лабин Д.К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. Москва: Волтере Клувер, 2008. С. 178-181.
2. Мингазова И.В. Право собственности в международном праве. Москва: Волтере Клувер, 2007. С. 63.
3. Beddard R. Human Rights and Europe. 3rd edn. Grotius Publications, Cambridge, 1993. P. 17.
4. Marckx v. Belgium, Case № 6833/74 (1979).
5. Oppenheim L., Lauterpacht H. International Law. A Treatise. Vol. I. Peace. London u.a.: Longmans, Green, 8. Aufl., 1955. P. 636.

УДК 347(043.2)

Гасанов Симран, доктор философии по праву,
Бакинский Государственный Университет, Баку, Азербайджан

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ВАКФА ПРИ СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В постсоветских и постсоциалистических странах, где проживают сторонники ислама, мусульманские общины, как и представители других конфессий, с целью восстановления исторической справедливости и укрепления своей материальной базы претендуют на возвращение